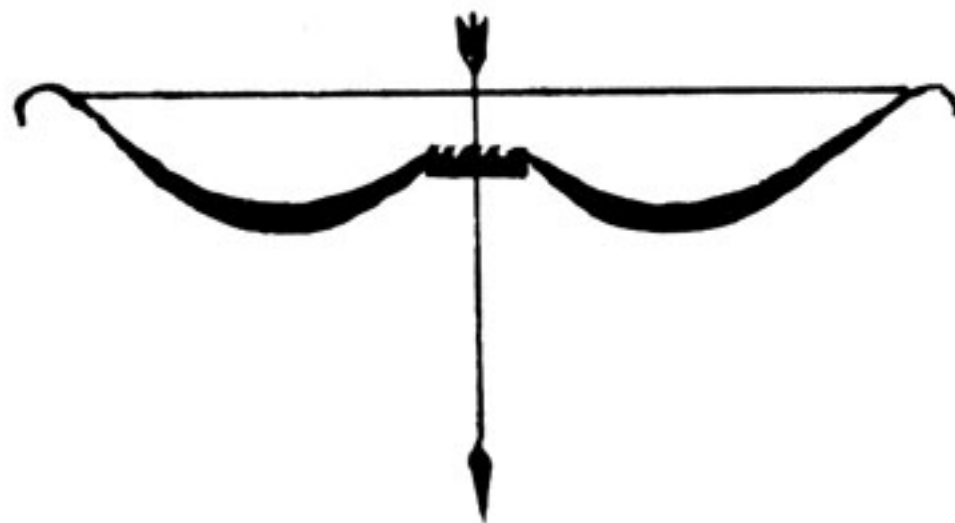

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
XI—XV ВЕКОВ

Художник
Владимир НОСКОВ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

1981

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

СЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЯНЫХ ЛЕТ,
 ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ
 ЗЕМЛЯ, КТО ВЪ КИЕВЕ НАЧА
 ПЕРВЕЕ КНЯЖИТИ И ОТКУДУ
 РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

< О РАССЕЛЕНИИ
 СЛАВЯН >

<...>

о мнзехъ же времянех
 сели суть словени
 по Дунаеви, где есть
 ныне Угорьска земля
 и Болгарьска. И от техъ

словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими,
 где седше на которомъ месте. <...> Тако же и ти словене
 пришедше и седоша по Днепру, и нарекошася поляне,
 а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша
 межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии
 седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради,
 яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея
 прозвашася полочане. Словени же седоша около езера
 Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ
 и нарекоша ѱ Новъгородъ. А друзии седоша по Десне
 и по Семи, по Суле и нарекошася северъ. И тако
 разидеся словеньский языкъ, тем же и грамота
 прозвася словеньская.

<...>

¹ Слева печатаются древнерусские тексты, справа — переводы
 на современный русский язык.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ,
ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,
КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ
КНЯЖИТЬ И КАК
ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

О РАССЕЛЕНИИ СЛАВЯН

<...>

пустя много времени
сели славяне по Дунаю,
где ныне земли
Венгерская
и Болгарская. И от тех

славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. <...> Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и именуется Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

<...>

<ПРЕДАНИЕ
ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА>

Подем же жившемъ особе и володеющемъ роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Седяше Кий на горе, гдеже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревница. И створиша градъ во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днепра, темъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ.

Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившю ему ко царю, якоже говорятъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идушю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живушии; еже и доныне наречють дунайци городище Киевецъ.

Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и брать его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася.<...>

<ПРИТЧА ОБ ОБРАХ>

Словеньску же языку, якоже рекохомъ, живушю на Дунаи, придоша отъ скуфъ, рекше отъ козаръ, рекомии болгаре, и седоша до Дунаеви, и населници словеномъ быша.

Посемъ придоша угри белии, и наследиша землю Словеньску. Си бо угри почаша быти при

ПРЕДАНИЕ
ОБ ОСНОВАНИИ КИЕВА

Поляне же жили тогда отдельно от других и управлялись своими родами; ибо и до этих братьев, о которых речь пойдет в дальнейшем, были поляне, и жили они родами и на своих местах, и каждый род управлялся сам собой. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей.

И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев.

Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев».

Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем и ходил к царю, — не знаем только, к какому царю он ходил, но знаем, что великие почести воздал ему, говорят, тот царь, к которому он приходил.

Когда же возвращался, пришел он на Дунай и облюбывал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие. Так и доныне называют дунайцы городище то — Киевец. Кий же вернулся в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались. <...>

ПРИТЧА ОБ ОБРАХ

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары и сели по Дунаю, и были насильники славянам.

Затем пришли белые венгры и наследовали землю Славянскую.

Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенехъ, и примучиша дулебы, сущая словены, а насилье творяху женамъ дулебскимъ: аще поехати будяше обърину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обърена, и тако мучаху дулебы.

Быша бо объре теломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ объринъ. И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследъка.

<...>

<ПРЕДАНИЕ О ХАЗАРСКОЙ ДАНИ>

По сихъ же летехъ, по смерти братъе сея быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаре, сидящая на горахъ сихъ в лесехъ, и реша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старейшинамъ своимъ, и реша имъ: «Се налезохомъ дань нову».

Они же реша имъ: «Откуда?» Они же реша: «Въ лесе на горахъ, надъ рекою Днепрьскою». Они же реша: «Что суть въдали?» Они же показаша мечь. И реша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инехъ странах».

Се же сбысться все: не от своя воля рекоша, но отъ божья повеленья.

Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстемъ, егда приведоша Моисея предъ Фаравона, и реша старейшина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе имъ.

Тако и си владеша, а послеже самими владеють; якоже и бысть: володеють бо козары русьскии князи и до

Венгры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и авары, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие.

Эти авары воевали и против славян, и примучили дулебов — также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его — аварина. И так мучили дулебов. Были же эти авары велики телом, а умом горды, и бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного аварина.

И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли как обры!» — их же нет ни племени, ни потомства.

<...>

ПРЕДАНИЕ О ХАЗАРСКОЙ ДАНИ

Вслед за тем, по смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди.

И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посоветавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?»

Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добра дань та, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унижит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

<ПОХОД КНЯЗЯ ОЛЕГА НА ЦАРЬГРАД>

В лето 6415. Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Кieve, поя же множество варяг и словенъ, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всеми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бе числомъ кораблей 2000.

И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судъ, а град затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овехъ посекаху, другиа же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повеле Олегъ воемъ своимъ колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну ветру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду.

И видевшие греци и убояшася, и реша выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, якоже хочещи».

И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бе бо устроено со отравою.

И убояшася греци, и реша: «Нестъ се Олегъ, но святой Дмитрей, посланъ на ны от бога». И заповеда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривень на человекъ, а въ корабли по 40 мужь.<...>

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавшие сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружиемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшийте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя», и бысть тако. И повеси щит свой въ вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а ветрь. И реша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре паволочиты».

И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша

ПОХОД КНЯЗЯ ОЛЕГА НА ЦАРЬГРАД

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и словен, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скифь. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег, а тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги. И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей. < ... > Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили присягать друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные!» И было так. И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, но разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстинные паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

< ПРЕДАНИЕ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА >

В лето 6420. <...> И живяше Олегъ миръ имеа ко всем странамъ, княжа в Кieve. И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь,

его же любиши и ездиси на нем, от того ти умрети». Олегъ же прим въ уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повеле кормити ѿ и не водити его к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывъшю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мѣй, его же бехъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олегъ же посмеася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють

ПРЕДАНИЕ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА

В год 6420 (912). <...> И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник:

«Князь! Коня любишь и ездешь на нем,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока на греков ходил. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы,

вольсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повеле оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и сседе с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смърть было взяти мне?» И вѣступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеса и умре. И плакашася людье вси плачемъ великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всех летъ княжениа его 33. <...>

<ПЕРВЫЙ ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ГРЕКОВ>

В лето 6449. Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре вестъ ко царю, яко идуть русь на Царьградъ, скедии 10 тысящъ, иже придоша и приплуша, и почаша воевати Вифаньскиа страны, и воеваху по Понту до Ираклиа и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Судъ весь пожьгоша. <...> Много же святыхъ церквий огневи предаша, монастыре и села пожьгоша и именья немало от обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ от вѣстока, Памъфиръ-деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекий съ макидоны, Федоръ же стратилать съ фраки, с ними же и сановьници боярьстии обидоша русь около. Съвещаша русь, изидоша въружившеса на греки и брани межю ими бывши зъли, одва одолеша гръци. Русь же възратишася къ дъружине своей къ вечеру, на ночь влезоша в лодьи и отбегоша. Феофанъ же сустрете я въ лядехъ со огнемъ и пуцати нача трубами огонь на лодье руския, и бысть видети страшно чюдо. Русь же, видящи пламянь, вметахуса въ воду морьскую, хотяще убрести. И тако прочии възвъратишася въсвоеси. Тем же пришедшимъ въ землю свою, и поведаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднемъ огни. «Якоже молонья, рече, иже на небесехъ, гръци имуть у собе и се пуцающа же, жагаху насъ, сего ради не одолехомъ имъ». Игорь же пришедъ, нача совокупляти вое многи и посла по варяги многи за море, вабя е на греки, паки хоте пойти на ня.

но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его».

И, приехав на то место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Плакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. <...>

ПЕРВЫЙ ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ГРЕКОВ

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей. И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. <...> Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили немало богатств. Затем пришли с востока воины — Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре — и окружили русь. Русские же, посоветавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой. И, придя в землю свою, поведали — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

<ВТОРОЙ ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ГРЕКОВ>

В лето 6452. Игорь же совкупивъ вои многи: варяги — русь и поляны, словени и кривичи, и теверьце, и печенеги, и тали у нихъ поя, поиде на Греки въ лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци, послаша къ Раману, глаголюще: «Се иде русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Такоже и болгаре послаша вестъ, глаголюще: «Идутъ русь и наяди суть к собе печенеги». Се слышавъ царь, посла к Игорю лучие боляре, моля и глаголя: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани». Такоже и къ печенегомъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошед Дуная, созва дружину и нача думати, и поведа имъ речъ цареву. Реша же дружина Игорева: «Да аще сице глаголетъ царь, то что хотимъ боле того: не бившесе, имати злато и сребро, и паволоки? Егда кто вестъ, кто одолеетъ: мы ли, оне ли? Ли с моремъ кто светень? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей, обьча смерть всемъ». Послуша ихъ Игорь и повеле печенегомъ воевати Болъгарьску землю, а самъ возьмъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратися въспять, и приде къ Киеву въсвосяи.

<ПОХОДЫ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА>

В лето 6472. Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя възъ по собе не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изрезавъ конину ли, зверину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и седло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку реку и на Волгу и налезе вятичи; и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаромъ по щылягу от рала даемъ».

В лето 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани,

ВТОРОЙ ПОХОД КНЯЗЯ ИГОРЯ НА ГРЕКОВ

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов — русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот, идут русские, без числа кораблей их, покрыли море корабли».

Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою:

«Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота. Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь цареву. Сказала же дружина Игорева:

«Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, — не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто — кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

ПОХОДЫ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку-реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве

одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежую взя. И ясы победы и касогы.

В лето 6474. Вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи.

В лето 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, одоле Святославъ болгаромъ, и вся городъ 80 по Дунаеви и седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на гръцех.

В лето 6476. Придоша печенези на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ граде со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ граде Кieve.

И оступиша печенези градъ в силе велице, бещислено множество около града, и не бе лъзе изъ града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье голодомъ и водою. Собрашеся людье оная страны Днепра в лодьяхъ, обону страну стояху, и не бе лъзе внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онемъ. И въстужиша людье въ граде и реша: «Нестъ ли кого, иже бы моглъ на ону

одолеи Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог пробраться на ту сторону

страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамъ печенегомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азь преиду». И реша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше сквозе печенеги, глаголя: «Не виде ли коня никто же?» Бе бо умея печенежъски, и мняхуть ѱ своего. И яко приближися к реце, свергъ порты, сунуся въ Днепръ, и побреде.

Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не могоша ему ничто же створити.

Они же видевше с оная страны, и приехаша в лодьи противу ему, и взяша ѱ в лодью, и привезоша ѱ къ дружине. И рече имъ: «Аще не подступите заутра к городу, предатися хотять людье печенегомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Претичь: «Подъступимъ заутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжиче умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, вседъше в лодьи противу свету и въструбиша вельми, и людье въ граде кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видевъ же се князь печенежъский, възратися единъ къ воеводе Претичю, и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оная страны». И рече князь печенежъский: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азь есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожех, и по мне идетъ полкъ со княземъ, бещисла множество».

Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенежъский къ Претичю:

«Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю».

И подаста руку межю собою, и въдасть печенежъский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Онъ же дасть ему броне, щить, мечь. И отступиша печенези от града, и не бяше лъзе коня напоити: на Лыбеди печенези.

И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенези, и мать твою, и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ.

Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суща, и детей своих?» То слышавъ Святославъ, вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву, целова мать свою и дети своя, и съжалися о бывшемъ от

и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам?» И сказал один отрок: «Я пройду»,— и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с того берега». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов.

печенегъ. И собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть миръ. <...>

В лето 6479. Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася болгаре въ граде. И излезоша болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и одоляху болгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти, потягнемъ мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одоле Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей».

И реща гръци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повежьтены, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же реща гръци, лъстяче подъ русью; суть бо греци лстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящъ», и прирече 10 тысящъ, бе бо Руси 10 тысящъ толко.

И пристроиша гръци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу руси. Видевше же русь, убояшася зело множества вой, и рече Святославъ: «Уже намъ некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костью ту, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою». И реща вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ».

И исполчишася русь, и бысть сеча велика, и одоле Святославъ, и бежаша гръци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И реща ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ ѝ, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?» И посла к нему злато и паволоки, и мужа мудра, реща ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И поведаша Святославу, яко придоша гръци с поклономъ. И рече: «Въведете я семо».

Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кроме зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша

И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир. <...>

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч.

И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо здесь мертвые не знают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доньше пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю,

ко царю, и созва царь боляры. Реша же послании, яко «придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не возре на ня, и повеле схоронити». И рече единъ: «Искуси ѱ еще, послѣ ему оружье». Они же послушаша его, и послаша ему мечъ и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, примъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю и поведаша ему вся бывшая, и реша боляре: «Лютъ се мужъ хочеть быти, яко имения не брежетъ, а оружье емлетъ. Имися по дань». И посла царь, глаголя сѣце: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи»; за маломъ бо бе не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеня, глаголя, яко «род его возметъ». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою. Видевъ же мало дружины своея, рече в себе: «Еда како прельстивше избьютъ дружину мою и мене», беша бо многи погибли на полку.

И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины».

И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бо бе ту царь, рька сѣце: «Хочю имети миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сѣце: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увестъ царь, яко мало насъ есть, пришедше оступятъ ны въ граде. А Руска земля далеча, а печенези с нами ратьни, а кто ны поможетъ?

Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ. Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду». Люба бысть речъ си дружине, и послаша лепшие мужи ко цареви, и придоша въ Деревьстръ, и поведаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же реша: «Тако глаголетъ князь нашъ: хочю имети любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лета». Царь же радъ бысть и повеле писцю писати вся речи Святославля на харатью.

Нача глаголати соль вся речи, и нача писецъ писати

<...>

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьяхъ къ порогомъ. И рече ему воевода отень

и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-демы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать».

И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же, взяв, стал хвалить царя, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет.

Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь».

Ибо только немногим не дошел он до Царьграда.

И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою.

Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе:

«Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», так как многие были убиты в боях.

И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего.

Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова, собрав множество воинов, пойдем из Руси на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю.

Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена».

Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. <...>

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его

Свеналдъ: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенези в порозех». И не послуша его и поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенегомъ, глаголюще: «Се идетъ вы Святославъ в Русь, возьмъ именье много у грекъ и полонъ бещислень, съ маломъ дружины». Слышавше же се печенизи, заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бе льзе проити порогъ. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе гладъ великъ, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Весне же приспевъши, в лето 6480, поиде Святославъ в пороги, и нападе на нь Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него. Свеналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всех летъ княженья Святославля летъ 20 и 8.

<СКАЗАНИЕ О ЮНОШЕ-КОЖЕМЯКЕ>

Въ лето 6500. Иде Володимиръ на хорваты.

Пришедшю бо ему с войны хорватскыя, и се печенези придоша по оной стороне от Сулы.

Володимеръ же поиде противу имъ, и сrete я на Трубежи на броде, кде ныне Переяславль. И ста Володимеръ на сей стороне, а печенези на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приеха князь печенежский к реке, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лета; аще ли нашъ мужь ударить, да воюемъ за три лета». И разидостася разно.

Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нету ли такого мужа, иже бы ся яль с печенежиномъ? И не обретеса никдеже. Заутра приехаша печенези и свой мужь приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всемъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! Есть у мене единъ сынъ меньшей дома, а с четырма есмь вышель, а онъ дома.

От детства бо его несть кто имъ ударилъ.

50 Единою бо ми ѝ сваряцю, и оному мьнуцю усние, разгневавъся на мя, преторже череву рукама».

Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав. В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать и восемь.

СКАЗАНИЕ О ЮНОШЕ-КОЖЕМЯКЕ

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об

Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша ѿ ко князю, и князь поведи ему вся. Сей же рече: «Княже! Не веде, могу ли со нь, и да искусите мя: нету ли быка велика и силна?»

И налестоша быкъ великъ и силенъ, и повеле раздраждити быка; возложиша на нь железа горяча, и быка пустиша. И побеже быкъ мимо ѿ, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожу съ мясы, елико

ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придоша печенези, почаша звати: «Не ли мужа? Се нашъ доспель». Володимеръ же повеле той ноци облещися въ оружие, и приступиша ту обои.

Выпустиша печенези мужъ свой, бе бо превеликъ зело и страшень. И выступи мужъ Володимеръ, и узре ѿ печенезинъ и посмеяся,— бе бо середний теломъ.

И размеривше межи обема полкома, пустиша я к собе. И ястася, и почаствася крепко держати, и удави печенезина в руку до смерти, и удари имъ о землю.

52 И кликнуша, и печенези побегоша, и русь погнаша по них

этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли быка большого и сильного?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; прижгли его раскаленным железом и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила

его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними

секуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложн городъ на броне томъ, и нарече ѿ Переяславль, зане перея славу отрокотъ.

Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Киевъ с победою и съ славою великою.

<СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ>

В лето 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьние вое на печенеги, бе бо рать велика бес перестани. В се же время уведеша печенези, яко князя нету, и придоша и сташа около

Белагорода. И не дадяху вылести из города, и бысть гладъ великъ в городе, и не бе лзе Володимеру помочи, не бе бо вой у него, печенегъ же

множьство много. И удолжися остоя в городе, и бе гладъ великъ. И створиша вече в городе и реша:

«Се уже хотимъ померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Вдадимъся печенегомъ, да кого живять, кого ли умертвятъ; уже помираем от глада».

И тако советъ створиша. Бе же единъ старецъ не былъ на вечи томъ, и въпрашаше: «Что ради вече было?»

И людье поведаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенегом. Се слышавъ, посла по старейшины градъскыя, и рече имъ:

«Слышахъ, яко хотите ся передати печенегом».

Они же реша: «Не стерпятъ людье глада».

И рече имъ: «Послушайте мене: не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите».

Они же ради обещахася послушати, и рече имъ:

«Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отрубъ».

Они же шедше ради, снискаша. И повеле

женамъ створити цежь, в немъ же варять кисель, и повеле ископати колодязь, и вставить тамо кадь, и нальяти цежа кадь. И повеле другой

колодязь ископати, и вставить тамо кадь, и повеле искати меду. Они же шедше, взяша меду лукно, бе

бо погребено в княжи медуши. И повеле росытити велми и вълъяти в кадь в друземъ колодязи. Утро же повеле послати по печенеги. И горожане же реша,

шедше к печенегомъ: «Поимете к собе таль нашъ, а вы поидете до 10 мужъ в градъ, да видите,

русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того, и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время непрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и начался в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть в живых оставят, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Один старец, который не был на том вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадку и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадку, и велел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадку в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город,

что ся дееть в граде нашем». Печенези же ради бывше, мняще, яко предатися хотят, пояша у них тали, а сами избраша лучьшие мужи в родехъ и послаша в градъ, да розглядають в городе, что ся дееть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеемъ бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да узрите

своима очима». И приведоша я къ кладезю, идеже цежь, и почерпоша ведромъ, и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же печенези. И удивишася, и рекоша: «Не имуть веры наши князи, аще не ядят сами».

Людье же наляша корчагу цежа и сыты от колодязя, и вдаша печенегом. Они же пришедше, поведаша вся бывшая. И варивше яша князи печенезьстии, и подивишася.

И поимше тали своя и онехъ пустивше, вѣсташа от града, вѣсвоеси идоша.

чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдать, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите,

то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка, и почерпнули ведром и вылили в лотки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских отпустив, поднялись и пошли от города восвояси.

<ПОЕДИНОК КНЯЗЯ МСТИСЛАВА С РЕДЕДЕЮ>

В лето 6530. <...> Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на касогы. Слышавъ же се князь касожьскый Редедя, изиде противу тому и ставшема обема полкома противу себе. И рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губиве дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолееси ты, то возмеси именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли азъ одолею, то възму твое все».

И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемъ ся бьеве, но борьбою».

И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бе бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ:

«О пречистая богородице, помози ми! Аще бо одолею сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю и вынзе ножъ, и зареза Редедю. И шедъ в землю его, взя все именье его, и жену его, и дети его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тьмутороканю, заложил церковь святыя Богородица и созда ю, яже стоит и до сего дне Тьмуторокани.

<ЗАВЕЩАНИЕ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА МУДРОГО>

В лето 6562. Преставися великый князь русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се азъ отхожю света сего, сынове мои. Имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дедъ своихъ, иже налезоса трудомъ своимъ великымъ. Но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в себе место столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ. Сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будетъ в мене место. А Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду — Переяславль, а Игорю —

ПОЕДИНОК КНЯЗЯ МСТИСЛАВА С РЕДЕДЕЮ

В год 6530 (1022). <...> В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

ЗАВЕЩАНИЕ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую добыли они трудом своим великим, но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир,

Володимерь, а Вячеславу — Смолинескъ». И тако раздели имъ грады, заповедавъ имъ не преступати предела братня,

ни сгонити. Рекъ Изяславу: «Аще кто хоцетъ обидети брата своего, то ты помагай, его же обидять».

И тако уряди сыны своя пребывати в любви, самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду разболеса велми...

Ярославу же приспе конецъ житья и предасть душу свою богу в субботу первую поста святаго Феодора.

<...>

<НАСИЛИЯ ПОЛОВЦЕВ>

В лето 6601. <...> Половци воеваша много и възвратишася к Торцьскому, и изнемогоша людье в граде гладомъ и предашася ратнымъ. Половци же приемше град, запалиша ѿ огнем, люди разделиша, и ведоша в веже к сердоболем своимъ и сродником своимъ мъного роду хрестьяньска, стражюще: печални, мучими, зимою оцепляеми, въ алчи и в жажи, и в беде, опустневше лица, почерневше телёсы, незнаемою странюю, языкомъ испалёным, нази ходяще и боси ноги имуще сбодены терньем. Со слезами отвещеваху, другъ к другу глаголюще: «Азь бехъ сего города», а други: «А язъ сея вси» — тако съупрашаются со слезами, родъ свой поведаяще и въздышюче, очи возводяще на небо к вышнему, сведущему тайная.

<...>

<КНЯЖЕСКИЙ СЪЕЗД В ЛЮБЕЧЕ И ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО>

В лето 6605. Придоша Святополкъ, и Володимерь, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся въ едино сердце, и блюдем Русские земли; кождо да держитъ отчину свою:

60 Святополкъ — Киевъ, Изяславлю, Володимерь —

а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступить пределы других братьев и сгонять со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают».

И так наставлял сыновей своих жить в любви.

Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался...

И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою богу в первую субботу поста святого Федора <...>.

НАСИЛИЯ ПОЛОВЦЕВ

В год 6601 (1093). <...> Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, в неизвестной стране, с языком воспаленным, голые бродя и босые, с ногами, опутанными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «Я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к вышнему, ведущему все сокровенное.

<...>

КНЯЖЕСКИЙ СЪЕЗД В ЛЮБЕЧЕ

И ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир —

Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ —
 Святославлю, а им же роздаялъ Всеволодъ города:
 Давыду — Володимерь, Ростиславичема — Перемышль
 Володареви, Теробовль — Василкови».

И на том целоваша крестъ: «Да аще кто отселе
 на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный». Рекоша вси: «Да будетъ на нь хрестъ честный и вся земля Русьская». И целовавшесе поидоша всвояси. И приде Святополкъ с Давыдомъ Киеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволь печалень бяше о любви сей. И влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимерь сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ веру лживым словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убиль брата твоего Ярополка, а ныне мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей голове». Святополкъ же смятесе умом, река: «Еда се право будетъ или лжа, не веде».

И рече Святополкъ к Давыдови:

«Да еще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будетъ за темъ».

Святополкъ же сжалиси по брате своем, и о себе нача помышляти, еда се право будетъ? И я веру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василке; а Василко сего не ведяше ни Володимерь. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имеве Василка, то ни тебе княженья Кыеве, ни мне в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноябрья, и перевезесе на Выдобычь, и иде поклонитися къ святому Михаилу в монастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшую приде в товаръ свой. И наутрия же бывшую, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинь моихъ». Василко же отпресе, река: «Не могу ждати, еда будетъ рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старейшаго».

И не всхоте Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твою руку. Аще ти отъидеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не займетъ град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих, да помянешь мене. Но

Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теробовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной».

Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попросившись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады все люди, но только дьявол огорчен был их согласиём.

И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя.

Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился

и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил

Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они умышлять на Василька. А Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк.

И пришел Василько 4-го ноября, и перевезся на Выдубечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся к обозу своему. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих».

Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться.

И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе даже здесь, под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет города твои — Туров, и Пинск, и все прочие города твои.

призвавъ ныне ѱ, емъ и дажь мне».

И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хочешь остати до именинь моихъ, да приди ныне, целуеши мя, и поседим вси с Давыдомъ». Василко же обещася прити, не ведый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же вседь на конь поеха, и устрете ѱ детский его, и поведа ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти».

И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды целовали крестъ, рекуще:

«Аще кто на кого будетъ, то на того будет крестъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будет». И приеха въ мале дружине на княжь дворъ, и вылезе противу его Святополкъ, и идоша в ыстобку, и приде Давыдъ, и седоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмъ повелель товаромъ поити переди». Давыдъ же седяше акы немъ. И рече

Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил отрок его и предупредил: «Не езд, княже, хотят

тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор. И вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел, как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать.

Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Поседита вы сде, а язъ лезу, наряжую». И лезе вонъ, а Давыдъ с Василком седоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бе в Давыде гласа, ни послушанья: бе бо ужаслься, и леть имея въ сердци. И поседевъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?» Они же реша ему: «Стоить на сенех». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь, а ты, брате, поседи». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноябрья; и оковаша ѱ в двои оковы, и приставиша к нему стороже на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыанъ, и поведатимъ, еже бе ему поведаль Давыдъ, яко «брата ти убиль, а на тя свечался с Володимеромъ, и хотять тя убити и грады твоя зяяти». И реша боляре и людье: «Тобе, княже, достоить блюсти головы своее». «Да аще есть право, молвилъ Давыдъ, да приметъ Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да приметъ мечь от бога и отвечаетъ пред богомъ». И уведаша игумени, и начаша молитися о Василке Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Уведев же се Давыдъ, нача поущати на ослепленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь ѱ, то ни тебе княжити, ни мне». Святополкъ же хотяше пустити ѱ, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша ѱ Белугороду, иже град малъ у Києва яко 10 версть в дале, и привезоша ѱ на колех, окована суца, ссадиша ѱ с колъ, и ведоша ѱ в ыстобку малу. И сидящю ему, узре Василко торчина остряца ножъ, и разуме, яко хотят ѱ слепити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влезоша послании Святополком и Давыдомъ, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчъ, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка, и хотяща ѱ поврещи; и боряшется с нима крепко, и не можаста его поврещи. И се влезше друзии повергоша ѱ, и связаша ѱ, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И седоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дьмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и седоста, и удавиша ѱ рамяно, яко персем

И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сеньях».

И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, — 5 ноября, — и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хотят тебя убить и города твои захватить».

И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет мечь от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены, и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне».

Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую.

И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями.

И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька и хотели его повалить; и боролись с ним крепко и не смогли его повалить. Тут вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему.

И сели по обе стороны Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени

троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ и хотя ударити в око, и грешися ока, и перереза ему лице, и есть рана та на Василке и ныне. И посем удари ѿ в око, и изя зеницю, и посем в другое око, и изя другую зеницю. И томъ часе бысть яко и мертвъ. И взявше ѿ на ковре взложиша на кола яко мертва, повезоша ѿ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мость Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущу, и вдаша попадьи опрати. Попадья же оправши взложи на нь, онем обедующим, и плакаться нача попадья, яко мертву сущу оному. И очюти плачь, и рече: «Кде се есмь?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городе». И вприси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочки, и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочке кроваве смерть приялъ и сталь пред богомъ». Онем же обедавшим, поидоша с ним вскоре на колехъ, а по грудну пути, бе бо тогда месяц грудень, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы некакъ уловъ уловивъ. И посадиша ѿ в дворе Вакееве, и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко. Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василко и плененъ, ужасеся, и всплакавъ, и рече: «Сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцихъ наших сякого зла». И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в насъ, в братьи, оже вверженъ в ны ножъ. Да еще сего не правимъ, то большее зло встанеть в нас, и начнетъ брат брата закалати, и погыбнетъ земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «сего не было в роде нашемъ». И ту абье собравша вое, придоста к Володимерю. Володимерю же с вои стоящу в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша муже свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси

Берендий, овчарь Святополков, подняв нож, и намеривался ударить в глаз, но промахнулся и порезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него рубашку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал он плач и спросил:

«Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске-городе». И попросил воды, они же дали ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал рубашку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц неровный — грудень, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще такого на Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо брошен в нас нож.

И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру, Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле

в Русьстей земли, и ввергль еси ножь в ны? Чему еси слепиль брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличиль бы ѿ пред нами, и упревъ бы ѿ, створиль ему. А ноне яви вину его, оже ему се створиль еси». И рече Святополкъ, яко «поведа ми Давыдъ Игоревичь: яко Василко брата ти убиль, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие, и Погорину, а заходилъ роте с Володимером, яко сести Володимеру Кыеве, а Василкови Володимери. А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слепиль, но Давыдъ, и вель ѿ к себе». И реша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови:

«Извета о семь не имей, яко Давыдъ есть слепиль ѿ. Не в Давыдове городе ятъ, ни слеплень, но в твоємь граде ятъ и слеплень».

И се имъ глаголющимъ, разидошася разно. Наутрия же хотящим чресъ Днепръ на Святополка, Святополкъ же хоте побегнути ис Кыева, и не даша ему кыяне побегнути, но послаша Всеволожую и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще:

«Молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбръствомъ, побарающе по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молиаста ему, и поведаста молбу кыянь, яко творити миръ, и блюсти земле Русьские; и брань имети с погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакавъся и рече:

«Поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити».

< ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ НА ПОЛОВЦЕВ В 1103 Г. >

В лето 6611. Богъ вложи в сердце княземъ руским Святополку и Володимеру и снястася думати на Долобьске. И седе Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомъ шатре, и почаша думати и глаголати дружина Святополча, яко «негодно ныне весне ити, хотим погубити смерды и ролью ихъ».

и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое».

И сказал Святополк: «Говорил мне Давыд Игоревич: «Как Василько брата твоего убил, Ярополка, так и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, чтобы сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен».

И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его, и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую, и биться с погаными. Услышав это, Владимир заплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюдали землю Русскую, а мы хотим погубить».

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ НА ПОЛОВЦЕВ В 1103 Г.

В год 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре.

И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов

И рече Володимеръ. «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приехавъ половчинъ ударить ѱ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехавъ иметь жену его и дети его, и все его именье, то лошади жаль, а самого не жаль ли?»

И не могоша отвещати дружина Святополча.

И рече Святополкъ:

«Се язъ готовъ уже», и вста Святополкъ.

И рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши земле Русскеи», и посласта ко Олгови и Давыдови, глаголя: «Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыдъ, а Олегъ не всхоте сего, вину река:

«Не сдравлю».

Володимеръ же целовавъ брата своего и поиде Переяславлю, а Святополкъ по нем и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Вячеславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ. И поидоша на конихъ и в лодьяхъ и придоша ниже порогъ, и сташа в Протолчех, в Хортичем острове, и вседоша на коне, и пешци, из лодей вышед, идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутень. Половци же слышавше, яко идет русь, собрашася бещисла и начаша думати.

И рече Урусоба: «Просим мира у Руси, яко крепко имуть битися с нами: мы бо много зла створихом Русскей земли».

И реша унеишии Урособе: «Аще ты боишия Руси, но мы ся не боимъ, сия бо избивше, поидем в землю ихъ и примемъ грады ихъ, и кто избавить ѱ от насъ?»

Русские же князи и вои вси моляхуть бога и обеты вздаяху богу и матери его: овъ кутьею, овъ же милостынею убогим, инии же монастырем требованья. И сиче молящимся, поидоша половци и послаша пред собою в стороже Алтунопу, иже словяше в них мужеством. Такоже русские князи послаша стороже свое, и устерегоша русские сторожеве Алтунопу, и обиступивъше ѱ, и убиша Алтунопу и сущая с ним, и не избысть ни единъ, но все избиша.

и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелой, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?»

И ничего не смогла ответить дружина Святополкова.

И сказал Святополк: «Вот я готов уже».

И встал Святополк, и сказал ему Владимир:

«Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской».

И послали к Олегу и Давыду, говоря:

«Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы».

И послушал Давыд, а Олег не захотел того,

сказав причину: «Нездоров».

Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел

в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд

Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев

внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович.

И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов,

и стали в порогах у острова Хортицы.

И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем

четыре дня и пришли на Сутень.

Половцы же, услышав, что идет русь, собрались

без числа много и стали совещаться.

И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как

крепко они будут биться с нами, ибо много зла

сотворили мы Русской земле».

И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси,

но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю

их и завладеем городами их, и кто избавит их

от нас?»

Русские же князья и воины все молились богу

и обеты давали богу и матери его, кто кутьею,

кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями

в монастыри. И когда они так молились, пришли

половцы и послали перед собою в сторожах Алтунопу,

который славился у них мужеством. Также и русские

князья послали сторожей своих. И подстерегли русские

сторожа Алтунопу и, обступив его, убили Алтунопу

и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех

перебили.

И пошли полки как лес, конца им не было видно,

презрети ихъ, и русь поидоша противу имъ, и богъ великый вложи ужасть велику в половце, и страх нападе на ня и трепеть от лица русских вои, и дремаху сами, и конем ихъ не бе спеха в ногах.

Наши же с весельем идяху на конех, и пеши поидоша к ним. Половци же видевше устремленье руское на ся, не доступивше бо побегоша пред русскими полки.

Наши же погнаша, секуще я. Дни 4 априля месяца велико спасенье богъ створи, а на врагы наша дасть победу велику, и убиша ту в полку князий 20: Урусобу, Кочия, Аръсланопу, Китанопу, Кумана, Асупа Курътыка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочая князии их, а Белдюзя яша.

Посем же седоша братья, победивше врагы своя, и приведоша Белдюзя к Святополку.

И нача Белдюзь даяти на себе злато, и сребро, и коне, и скоть.

Святополкъ же посла ѱ к Володимеру.

И пришедшю ему, нача впрашати его Володимеръ: «То веде яла вы рота, многажды бо ходивши роте, воевасте Русскую землю, то чему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашет кровь хрестьяньску? Да се буди кровь твоя на главе твоей».

И повеле убити ѱ, и тако расekoша ѱ на уды.

И посем сняшася братья вся.

И рече Володимеръ: «Съ день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся во нь, яко господь избавил ны есть от врагъ наших и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и дал еси сих брашно людем русьским».

Взяша бо тогда скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью, и заяша печенегы и торкы с вежами, и придоша в Русь с полоном великым и с славою и с победою великою.

<ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ НА ПОЛОВЦЕВ В 1107 Г.>

В лето 6615, индикта кругъ луны 4 лето, а солнечнаго круга 8 лето. В се же лето преставися Володимеряя месяца мая въ 7 день.

и русь пошла против них. И великий бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лица русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля совершил бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую.

И убили тут в бою двадцать князей:

Урусобу, Кочия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртыка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили.

После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, стал ему говорить Владимир: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!»

И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все на совет, и сказал Владимир: «Вот день, который сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и сокрушил головы змеиные, и передал достояние их людям русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим и со славою, и с победою великою.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ НА ПОЛОВЦЕВ В 1107 Г.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил

Переяславля. Том же лете приде Бонякъ и Шаруканъ Старый и ини князи мнози и сташа около Лубьна. Святополкъ же, и Володимеръ, и Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вечеславъ, Ярополкъ идоша на половци къ Лубну, и въ 6 час дне бродишася чресь Сулу, и кликнуша на них. Половци же ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побегоша хватаяще кони, а друзии пеши побегоша. Наши же почаша сечи,

женуши я, а другые руками имати. И гнаша ноли до Хорола, убиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече, отбегоша же товара своего, еже взяша рускии вои месяца августа въ 12, и възвратишася всояси с победою великою. Святополкъ же приде в Печерський монастырь на заутреню на Успенье святыя богородица, и братья целоваша ѿ с радостью великою, глаголюще, яко врази наша побежени быша молитвами святыя богородица и святаго отца нашего Феодосья.

коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан Старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их,

а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой богородицы и святого отца нашего Феодосия.